
VI. ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ, САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

Г.В. МАКАРОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ВОЗДЕЙСТВИЕ ВОЕННОГО ФАКТОРА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОДНОГО НАРОДА О ДРУГОМ (НА ПРИМЕРЕ КОНТАКТОВ РУССКИХ С ПОЛЯКАМИ В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г. И ЗАГРАНИЧНОГО ПОХОДА РУССКОЙ АРМИИ)

Abstract:

Makarova G.V. *The impact of the “military factor” on the formation of notions of one nation about another (for example, the contacts of the Russians with the Poles in the period of the Patriotic war of 1812 and foreign campaign of the Russian army)*

The article considers the influence of the “military factor” during the war events of 1812 on the formation of the opinion of Russians of the Poles. The work is based on diaries and memoirs of Russian officers.

Ключевые слова: военный фактор, военные события 1812–1813 гг., российско-польские контакты, формирование стереотипов восприятия.

Многообразие различных факторов, их сочетание, вариативность и разная значимость в определенный момент времени ведут к разнообразию моделей исторического развития и, в частности, взаимоотношений между народами.

Множество факторов оказывали влияние на формирование представлений русского и польского народов друг о друге. Взаимоотношения между народами-соседями, естественно, всегда носят более интенсивный характер, по сравнению с взаимоотношениями народов, которые не имеют общей границы. С другой стороны, эта самая граница и фронтиры создают особую напряжен-

ность, ведут к осложнению отношений между ними, порождают взаимное недоверие и претензии. Возникают ситуации, когда отношения становятся по меньшей мере настороженными, а иногда и враждебными, приводящими к открытым конфликтам и вооруженным столкновениям, как это не раз бывало в истории отношений между Россией и Польшей. В итоге они откладываются, нередко в мифологизированном виде, в исторической памяти народов.

Война с Наполеоном, закончившаяся победным для России результатом, который был зафиксирован Венским договором 1815 г., способствовала росту национального самосознания русского общества, подъему чувства национальной гордости, усилению надежд на лучшее будущее. О связи войны и реформ в политической жизни государства – на примере России – любопытно замечание выдающегося русского историка В.О. Ключевского: «[...] война с благополучным исходом укрепляла сложившееся положение, наличный порядок, а война с исходом непристойным вызывала общественное недовольство, вынуждавшее у правительства более или менее решительную реформу. [...] Так успехи внутренней политической жизни приобретались целью внешних несчастий»¹. (Ключевский имел в виду период с 1612 г. по 1855 г.) Соглашаясь с суждениями историка и расширяя его мысль в хронологическом плане, главный редактор журнала «Континент» И.И. Виноградов отмечал: «[...] эта схема может служить одним из важнейших ключей и к сквозным особенностям последующих этапов исторического развития России»². В этих высказываниях подчеркивается один из аспектов воздействия военного фактора.

Факторный анализ, который может осуществить историк, по своему характеру является ретроспективным. Причинно-факторный метод рассмотрения хода общественного развития, установления значимости отдельных факторов, степени их воздействия, зависимости между ними, меняющейся системы их расположения и т.д. во всех конкретных случаях требует осторожного и скрупулезного подхода. Сам по себе факторный ряд структурно динамичен, и степень влияния любого из факторов непостоянна: его воздействие на отдельных исторических этапах во многом зависит от самых разных текущих событий и реальных обстоятельств, и даже просто от конкретных действующих лиц. Это относится, в частности, и к военному фактору. Казалось бы, военный фактор, нашедший выражение в военно-политической конфронтации и тем более в вооруженном столкновении, должен вести исключительно к негативному восприятию соседних народов друг дру-

гом. Однако, как это на первый взгляд ни парадоксально, отдельные примеры показывают, что воздействие данного фактора может быть различным и в какой-то мере даже позитивным.

Характеризуя источники, содержащие сведения, которые помогают воссоздать картину повседневных событий, причем не только военных, в период Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (дневники, походные записки, письма участников военных действий, их мемуары), можно отметить, что все они весьма субъективны и окрашены личностным восприятием авторов. Они различны по уровню достоверности описываемых инцидентов: те, которые были созданы непосредственно по горячим следам, более достоверны как в фактографическом плане, так и в отражении эмоций, возникавших в тот момент. Заметки и мемуары, написанные позднее, часто содержат неточности – вследствие особенностей памяти авторов, ее избирательности, свидетельствуют об ином восприятии, вызванном влиянием произошедших в дальнейшем событий и разных обстоятельств, которые в результате приводят к изменению первоначальных оценок. Чем большее время отделяет воспоминания от непосредственных событий, от описаний, сделанных в ходе военной кампании, тем больше поводов возникает для «редактирования», переосмысления и переоценки их автором, тем в большей степени они подвержены общественным настроениям уже того времени, когда издаются. Это происходит и тогда, когда записки издает сам автор, ментальность которого изменилась, или когда их публикует кто-то другой, – в любом случае может вноситься соответствующая «правка». Примером такого перехода с течением времени на иные позиции служат изменения во взглядах Ивана Ивановича Лажечникова (1792–1869) в отношении поляков. Имя Лажечникова хорошо известно русскому читателю по его историческим романам «Ледяной дом» и «Басурман». Литературное дарование писателя проявилось и в его походных записках во время войны с Наполеоном. В патриотическом порыве, тайно сбежав из дома родителей в Коломне, которые, впрочем, вскоре простили его, Лажечников оказался в уже оставленной неприятелем Москве, вступил в ополчение и закончил свой долгий армейский путь в Париже³. В его записках, в частности, нашли отражение впечатления о контактах с поляками в период нахождения русских войск на территории Герцогства Варшавского⁴. Если в них запечатлены явные симпатии автора к польскому населению, то в написанном более полувека спустя романе «Внучка панцирного боярина» (1868 г.) представлена совершенно иная позиция: поляки показа-

ны им в крайне негативном свете. Безусловно, на восприятие поляков Лажечниковым ко времени создания этой книги оказали влияние как характер польско-русских отношений, особенно польские восстания 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., так и реакция на них близких писателю кругов российского общества.

Источники, содержащие сведения о контактах русских с поляками во время войны 1812 г. и заграничных походов, весьма немногочисленны. В дневниках и мемуарах преимущественно описываются военные события, ход сражений, происходивших на территории России; гораздо меньшее их число посвящено заграничным походам. И лишь в немногих из этих материалов можно найти упоминания о повседневной жизни, протекавшей на фоне военных действий, о контактах с местным населением.

Еще Жан-Жак Руссо отмечал, что путешествия, поездки по другим странам необходимы для расширения жизненного кругозора человека, для получения образования. В России такая практика, хотя и в небольшом объеме, существовала уже при Петре I, когда в заграничных поездках помимо знаний приобретались и ремесленные навыки. Впоследствии подобный опыт применялся и при Екатерине II: для получения высокого уровня образования молодые люди направлялись в европейские университеты. Поездки-путешествия с научными и просто познавательными целями со временем становились все более популярными. Ознакомлению с жизнью других стран способствовало и пребывание там российских дипломатов. Заграничные военные походы можно лишь условно отнести к «путешествиям», однако они также помогали знакомиться с бытом других народов. Причем это происходило в огромных масштабах, с участием многотысячных армий, включавших представителей всех социальных слоев – от крестьян до аристократов, вплоть до членов императорской фамилии и самого императора. Автор одной из новейших работ о заграничных походах русской армии Н.Н. Аузова справедливо замечает, что их изучение «имеет огромное значение при осмыслении стереотипов восприятия русских офицерами» иной реальности и «влияния опыта, приобретенного прогрессивной частью русского офицерства, на развитие общественно-политических взглядов»⁵. Можно добавить, что и то и другое касалось не только «прогрессивной части русского офицерства», но всех представителей офицерской среды вообще, в том числе и тех, кто придерживался иных общественных взглядов.

Дневников и воспоминаний «простых людей», крестьян, составлявших основную массу участников походов, создано не было,

поскольку подавляющее большинство их было неграмотным, но даже само по себе визуальное ознакомление с другими странами играло определенную роль в расширении их сознания, дополняя их картину мира. Они узнавали иной образ жизни, видели иные, чем на родине, ландшафты, иную архитектуру городов, наблюдали быт и нравы местного населения.

Видный отечественный философ В.А. Лекторский в беседе с венгерским ученым Л. Гараи высказал мысль о взаимосвязи коммуникации и деятельности человека, о попытках науки «понять коммуникацию как неотъемлемый компонент деятельности». В частности, он ссылается на труды своих коллег, считающих, что «деятельность – это не единственный способ отношения человека к миру: наряду с ней существует созерцание». Представляя точки зрения различных философов, Лекторский отмечает, что «существуют субъект-субъектные отношения», то есть «взаимоотношения Я и Другого человека», которые «являются первичными в отношении человека к миру и другим людям». «Созерцание связано с интерпретацией увиденного», речь идет о «понимании его [«Другого» – Г.М.] таким, каков он есть», – утверждает ученый. Обращаясь к проблемам современности, Лекторский высказал следующее соображение: «Сегодня, когда в условиях глобализации разные культуры попали в ситуацию тесного соприкосновения, выясняется, что во многих случаях их взаимоотношений речь идет не о попытках взаимного понимания, а о стремлении навязать представителям другой культуры собственные представления – а это в условиях реальной жизни означает навязывание культурного и социального доминирования. Но даже в тех случаях, когда делаются попытки наладить взаимопонимание (а в связи с этим социальное взаимодействие), это может оказаться затруднительным. Вряд ли существуют ситуации полной невозможности такого понимания, но в некоторых случаях трудности могут быть очень велики. Я имею в виду тот важный факт, что представители разных культур и разных социальных слоев могут иметь несовпадающие представления о мире (природном и социальном), разное понимание ценностей: что хорошо и что плохо, что можно и чего нельзя делать и т.д. В этом случае их общение может напоминать “разговор глухих”. Вот тут я прихожу к мысли о том, что изучение условий взаимопонимания, диалога предполагает исследование проблем культурной и социальной идентичности»⁶. Эти суждения философа справедливы не только для сегодняшнего дня, но и в отношении событий двухвековой давности, когда огромные массы лю-

дей, в силу сложившихся военных обстоятельств оказались в ситуации непосредственного общения-«соприкосновения».

Контакты русских с представителями других народов, в частности с поляками, в ходе Отечественной войны 1812 г. осуществлялись не только в виде военных столкновений, но и на уровне повседневной бытовой культуры. Впоследствии в том или ином виде заграничные впечатления участников военных походов распространялись в соответствующих социальных кругах. Известным примером является воздействие реально увиденного в европейских странах на мировоззрение будущих декабристов.

Русские войска вошли на территорию Герцогства Варшавского в январе 1813 г., но их общение с поляками имело место и раньше, когда, преследуя «великую армию» Наполеона, они вступили на западные окраины Российской империи – на земли, которые прежде входили в состав Речи Посполитой, до ее разделов в конце XVIII в. Основное крестьянское население этих территорий составляли литовцы, белорусы и украинцы, но местное дворянство было представлено в значительной степени польской магнатерией и шляхтой. Именно с этим сословием главным образом и устанавливались контакты русского офицерства.

Первые встречи русских с поляками при изгнании войск наполеоновской армии происходили на территории Смоленской губернии. Смоленская земля была присоединена к Российскому государству в середине XVII в. Еще польские короли для закрепления этих земель за польско-литовским государством жаловали здесь поместья польскому дворянству. Позже аналогичную политику проводили и российские власти, которые для привлечения на свою сторону поляков дарили им поместья, стремясь обеспечить себе их лояльность. Александр Васильевич Чичерин (1793–1813), поручик Семеновского полка, записал в своем походном дневнике: «Уже в Смоленской губернии я начал забывать настоящую Россию. В Минске, в Вильне я не видел никого, кроме поляков». При этом он высказывал свое мнение о крестьянах. Произведенное ими на автора впечатление вызвало далеко не лестный отзыв: «Они стоят так низко, так неумны, что, мне кажется, сей народ весьма обделен природой. Гордости у польского крестьянина не меньше, чем у дворянина. Он и упрям, и угодлив, а на здравомыслие его нельзя рассчитывать. Пугается он прежде, чем услышит угрозу». Чувствуя неловкость за данную им негативную оценку местного крестьянина, Чичерин пытался найти объяснение, почему же у крестьянина сложился такой стиль поведения: «Имения, принадлежащие часто пяти господам сразу, приучили его к тако-

му рабству, коего не знает наш народ». Сравнивая польского и русского крестьянина, он подчеркивал: «Русский крестьянин боится своего барина, подчиняется своему барину и служит ему. Польский же боится всякого помещика, никогда не знает, кому принадлежит; вынужденный прятать свое достояние от жадных глаз господина, он ютится в грязном и нищем жилище. Между собой они все время ссорятся, завидуют друг другу». Далее автор дневника продолжал отрицательно характеризовать польских (по его мнению) крестьян: они малообщительны и «не знают, как ответить на простой вопрос». «Можно подумать, что они совсем не способны рассуждать, потому что не имеют никакого представления о расстоянии, совершенно не умеют считать, нелюбопытны, едва знакомы даже с соседними селениями», – писал Чичерин. И вновь прибегал к объяснению, оправдывающему данную ситуацию: «Это отупение народа вызвано, несомненно, жадностью господ, но всё же резко поражает контраст польских крестьян с русскими, кои честны, откровенны и прямы, знают своего господина и своего бога, служат им и любят их». Несомненно, патриотические мотивы в суждениях автора одерживали верх, однако вряд ли местное крестьянство можно было считать по национальной принадлежности поляками. По всей вероятности, он характеризовал состояние крестьян в имениях, владельцами которых были помещики-поляки.

Продвигаясь с русской армией на запад, Чичерин отмечал, что «за Неманом характер поляков как будто меняется к лучшему». И снова старался найти этому объяснение: «Угнетение, кое они испытали от французов, и великодушие нашего государя – вот, как мне кажется, главные причины того, что они стали немного откровеннее и, если так можно сказать, сообразительнее. Поляк из Герцогства Варшавского держится немного свободнее, да и чувствует себя свободнее». Описание и трактовка увиденного обуславливались личностным восприятием автора дневника. Чичерин не упоминает, а возможно ему и не был известен тот факт, что по введенному в Герцогстве Варшавском в 1807 г. Кодексу Наполеона крестьяне юридически были свободными людьми, хотя во многом прежние феодальные отношения продолжали сохраняться⁷.

Вопрос об отмене крепостного права был одним из самых актуальных для русской общественной жизни того времени, и участники заграничных походов имели возможность непосредственно видеть и сопоставлять положение крестьян в России и в европейских государствах, через территорию которых проходили русские войска. Интересное мнение по вопросу о крестьянской ре-

форме выражено в письме неустановленного лица Н.М. Лонгинову от 16 января 1813 г., отправленном из Бромберга (в настоящее время – Быдгощь). Лонгинов занимал достаточно важный государственный пост: в 1811 г. он был назначен «в ведомство министерства финансов с чином надворного советника», в 1812 г. получил место секретаря при императрице Елизавете Алексеевне. Форма обращения к адресату и содержание письма свидетельствуют о том, что неизвестный автор стоял примерно на одной служебной ступени с Лонгиновым. Вероятно, оба они принадлежали к общему чиновничьему кругу. Излагая собственную позицию по вопросу об освобождении крестьян, «неизвестный» писал: «Что касается до меня о увольнении крестьян, я, хотя и не якобинец, признаю, что думаю непременно мало-помалу это сделать». Он высказывал соображения, каким образом можно было бы осуществить освобождение крестьян на практике: «Теперь есть случай начать в Польше, конфисковав имения всех тех, кои против нас служили, раздать эти имения генералам и офицерам нашим бедным, постановить таксу, выше которой с крестьян не брать, и чтобы они были вольны», то есть необходимо дать личную свободу крестьянам и перевести их на оброк, причем с фиксированной границей денежного сбора. Зная, что такой путь решения крестьянского вопроса вызвал бы недовольство дворянства внутренних губерний империи, он считал предлагаемый им вариант пригодным для Польши: «Дареному коню в зубы не смотрят – новые помещики были бы довольны, и важная часть крестьян вышла бы из теперешнего постыдного и в Польше несчастнейшего положения». Убежденности автора в правильности такого подхода к эмансипации крестьянства способствовало, в частности, знакомство с порядками в Пруссии, когда ему представилась возможность провести наглядное сопоставление. «Вот здесь, в Пруссии, – писал он, – в части, которая давно уже от Польши взята, мужики уже не крепостные и общее состояние гораздо лучше, чем в нашей Польше». И далее: «Говорили, что часть Польши, доставшаяся нам, счастливейше тех, кои принадлежат Пруссии и Австрии», и категорически утверждал, что это «совершенная ложь», поясняя свою мысль, что лучше только «помещикам и шляхтам», потому что «они так же дерут с мужиков», как и прежде, а «крестьянам – гораздо хуже». В Австрии и Пруссии, где «власть дворянства удержана в пределах», там «крестьянам под защитой правления было гораздо лучше» – такой вывод делал «неизвестный»⁸.

Среди источников о военных событиях и контактах с польским населением офицеров российской армии значительный интерес пред-

ставляют записки артиллерийского полковника Ильи Тимофеевича Радожицкого (1788–1861)⁹. Судя по их содержанию, автор вел походный дневник, который и лег в основу его сочинения: приводятся точные даты событий, подробно описываются бытовые детали. Сам Радожицкий отмечал присущую авторам подобных воспоминаний субъективность суждений и наблюдений: «Каждый из нас смотрел на происшествия своими глазами и мог заметить то, что другой упустил из вида. [...] Не подробности ли частной жизни людей всякого звания объясняют характер, образ мыслей, степень просвещения и нравственность всякого народа?». Но не только чисто бытовые моменты занимали мысли офицера. Он размышлял и об общем характере взаимоотношений русских и поляков и над возможностью объединения двух народов: «Поляки по необходимости должны сродниться с русскими в одно великое племя народа славянского, под одну державу, под одни законы и веру, – считал он. – Язык польский весьма немногим разнится от русского – корень их одинаковый». А вера у обоих народов одна и та же – христианская, замечал автор, «с некоторым различием в обрядах»¹⁰. По мере продвижения русских войск на запад Радожицкий все отчетливее видел разницу в экономическом положении поляков и населения других стран. «Чем дальше отходили [мы] от Варшавы, – отмечал он, – тем явственнее обнаруживалось благосостояние жителей, несмотря на то, что они много пожертвовали французам»¹¹. «После больших трудов прошедшей кампании в России и скудного продовольствия в разоренной Польше по ту сторону Вислы, – писал Радожицкий, – мы входили в благословенные страны трудолюбия и образованности»¹². Аналогичным было и мнение Лажечникова: «Перейдите рубеж, разделяющий Польшу с Пруссией, и новая, приятная картина представится вашим глазам. Там много дает Природа, здесь Природа не скупее, но трудолюбие умеет к щедротам ее примешивать свои награды»¹³.

Еще один артиллерийский офицер, Гавриил Петрович Мешетич, в своих мемуарах также описал впечатление о пребывании в Польше: «Наконец знамена победоносного воинства России развеваются в Варшавском герцогстве». Местоположение Варшавы и ее архитектура пришлись ему по душе: «Город Варшава, столица тогдашнего герцогства, довольно многолюдный, обширный и шумный, имеет много громадных красивых строений и с окрестностями над рекою Вислою по покатости берега составляет прекрасную картину». Однако совсем иное впечатление произвела на автора общая «печальная картина Варшавского герцогства». «Вид оного, – писал Мешетич, – представлял разительную картину об-

манутой свободы: везде царствовала бедность со всеми печальными ее изображениями, во многих местах хижины без покрытых кровлей, в других местах целые деревни без жителей, которые, будучи гонимы страхом и не имея себя чем пропитать, оставили свои жилища». Увиденное вызывало понимание и сочувствие: «Народ, угнетенный частыми воинскими наборами, разными налогами и порабощением иноземным правительством, он был недоволен своей страной и как будто не находил в оной уже своего пристанища». Мешетич пытался объяснить, какие чувства и настроения испытывали поляки в отношении и России, и Наполеона, начавшего с ней войну: «Знатнейшие, видя попеременно чуждых народов в своей стране, имели привычку сообразовываться с своими обстоятельствами и, как казалось, принимали русских чисто-сердечно. В некоторых приметно было соболезнование об своих детях и родственниках, погибших в войне с Россиею. Другие были недовольны Наполеоном, что он навлек им нещастие [sic!] и разорение их страны, не могли сделать добра»¹⁴.

Знакомство участников Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии с европейскими странами, расширение познаний относительно их социально-политического устройства и сопоставление его с общественным порядком в Отечестве приводили русских офицеров к размышлениям о необходимости его реформирования. Наблюдения за повседневной жизнью местного населения стран, через которые проходила их военная дорога, воздействовали на формирование в их сознании национальных и социальных характеристик этих народов. Непосредственные личные субъективные впечатления русских воинов, отраженные в их опубликованных дневниках и воспоминаниях, со временем оказывали влияние на менталитет сравнительно больших групп населения, утверждались в их представлениях и включались в национальную историческую память, способствуя формированию общего стереотипного восприятия «другого» народа. Таким образом, военный фактор начинал действовать как фактор «внутренний».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть IV // Собрание сочинений в 9 томах. Т. 4. М., 1989. С. 190.

² *Виноградов И.И.* Дневник редактора. Выпуск четвертый. Январь–март 2007 г. // *Континент*. 2007. № 144.

³ Блестящий очерк о жизненном пути и литературном творчестве И.И. Лажечникова написал выдающийся библиограф и историк литературы С.А. Венгеров, создатель «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых от начала русской образованности до наших дней» // *Венгеров С.А. Лажечников И.И. Критико-биографический очерк // Лажечников И.И. Собрание сочинений*. Т. 1. Можайск, 1994. С. 5–111.

⁴ [Лажечников И.И.] Походные записки русского офицера, изданные И. Лажечниковым, действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете и Санкт-Петербургского общества любителей словесности. СПб, 1820. В связи с 200-летием Отечественной войны 1812 г. они были переизданы: *Лажечников И.И. Походные записки русского офицера, 1812–1814*. М., 2013. Подробнее о содержании его записок см.: *Макарова Г.В. Контакты между русскими и поляками в начале XIX в. и их отражение в «походных записках» русских офицеров (1812–1813 гг.) // Славянский альманах – 2009*. М., 2010.

⁵ *Аурова Н.Н. Русское общество и заграничные походы 1813–1814 гг. // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.)*. М., 2013. С. 338; *она же. Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг.: социокультурный аспект* М., 2015.

⁶ О теориях деятельности: диалог о том, чем они богаты и чего в них недостает (Беседа В.А. Лекторского и Л. Гараи) // *Вопросы философии*. 2015. № 2.

⁷ [Чичерин А.В.] Дневник Александра Чичерина. 1812–1813. / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1965. С. 108. Скончался Чичерин в августе 1813 г. в Праге от ран, полученных в сражении под Кульмом // Там же. С. 255–256.

⁸ *Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников*. М., 2006. С. 422–423.

⁹ [Радожицкий И.Т.] Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год артиллерии полковника И.Т. Р[адожицкого]. Ч. 1, 2. М., 1835. Подробнее о «польских впечатлениях» автора см.: *Макарова Г.В. Контакты между русскими и поляками... С. 133–135, 137–140*. Небольшая книжка о Радожицком вышла в 2012 г.: *Илья Тимофеевич Радожицкий: боевой генерал-ботаник / Автор-составитель: В.В. Снакин и др. сотрудники музея земледелия МГУ. В ней кратко излагается жизненный путь Радожицкого как исследователя-естествоиспытателя. Им был создан оставшийся неизданным 15-томный труд «Всемирная Флора и Помона», над которым ученый трудился более 20 лет // Там же. С. 3.*

¹⁰ [Радожицкий И.Т.] Походные записки... Ч. 1. С. 289, 290, 291.

¹¹ [Радожицкий И.Т.] Походные записки... Ч. 2. С. 17.

¹² Там же. С. 19.

¹³ [Лажечников И.И.] Походные записки русского офицера... СПб, 1820. С. 90.

¹⁴ *Мешетич Г.П.* Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 54, 55.